

МГНОВЕНИЯ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Перед нами — фотографии, которые зафиксировали два мгновения из жизни академика Михаила Алексеевича Лаврентьева, первого председателя Сибирского отделения Академии наук. 19 ноября (1900 г.) — его день рождения, и есть приятный повод вспомнить основателя большой сибирской академической науки.

И. Готов, «НВС»

На первом снимке, сделанном в директорском кабинете Лаврентьева в Институте гидродинамики фотографом Рашидом Ахмеровым в 60-е годы, Михаил Алексеевич запечатлен в момент получения очень приятных известий. Он весьма доволен и сдержанно улыбается. Звонят по прямому (без секретаря) телефону, торопясь порадовать председателя Сибирского отделения. На приставном столике несколько аппаратов — черный «монстр» с тугими клавишами для работы через приемную, местная «вертушка» с набором из трех цифр — для прямой связи

с руководителями города, области, директорами крупных новосибирских предприятий. Особняком стоит аппарат ВЧ-связи для конфиденциального общения с московским руководством всех уровней (от ЦК до министров), с главами областей и республик. Институт гидродинамики был построен первым в Академгородке, здесь же в первые годы директор института и глава СО АН принимал посетителей и вел все деловые переговоры. Но и после постройки отдельного здания, где разместился президиум (Институт экономики), Михаил Алексеевич предпочитал по привычке решать текущие и перспективные дела Сибирского отделения в своем кабинете в Институте гидродинамики.

Второй снимок запечатлел супружескую пару Лаврентьевых, Веру Евгеньевну и Михаила Алексеевича, на встрече Нового года в Доме ученых (я выбрал маленький фрагмент большой новогодней фотографии с участием руководителей аппарата Президиума, секретарей райкома и пр.). Лаврентьеву здесь 74 года. Почти через год, осенью 1975-го, он напишет заявление об отставке с поста председателя Сибирского отделения и вице-президента АН СССР. Уйдет сам, хотя и не без давления со стороны партийных органов. И до конца жизни будет Почетным председателем Сибирского отделения. В оставшиеся 5 лет жизни, кроме почета, у Михаила Алексеевича Лаврентьева будет возможность активной работы на посту председателя национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике, члена Президиума Академии и депутата Верховного Совета СССР. А пока, в декабре 1974-го, его крепкие плечи ощущают тепло надежных рук Веры Евгеньевны. Думаю, что этот любительский снимок,

обнаруженный мной в личных архивах, хоть и не претендует на лавры, но передает нежность чувств и возвышенность отношений этой знаменитой пары.

Постараюсь не ошибиться в выборе и приведу ряд высказываний близко знавших семью Лаврентьевых людей о Михаиле Алексеевиче и его супруге. Эти строки были в разное время опубликованы в газетных, журнальных и книжных статьях и сегодня должны напомнить нам страницы нашей истории.

«...Я мог еще больше убедиться в том, какая это великолепная и мудрая семья, в которой, несмотря на внутренние противоречия, нередко остро контрапунктирующиеся, все друг друга искренне любят, понимают и глубоко уважают».

«...Вера Евгеньевна, со свойственным ей остроязычием, рассказала нам, как Михаил Алексеевич боролся за неприкосновенность Байкала, как его за это порицали высокостоящие деятели, как стойко он отстаивал свою позицию, борясь с варварским планом нарушения всей экологии Прибайкалья. В заключение она сказала, что все кончилось тем, что его сослали. Но, в отличие от прежних ссылок, его сослали не из Москвы в Сибирь, а из Сибири в Москву. Так она расценила отъезд Михаила Алексеевича из Новосибирска, из созданного им грандиозного Сибирского отделения Академии наук СССР». (Член-корр. АН Украины Олег Богомолец, 1989 г.)

«Михаил Алексеевич умел влиять на людей и привлекать их к участию в своем деле. Однако при этом он руководствовался в первую очередь своим стратегическим замыслом, порой пренебрегая позицией собеседника. Человеческий фактор отступал на второй план. Ак. Николай Николаевич Боголюбов говаривал: «Дядя Миша — мастер игры в шахматы, человеческие шахматы». В решительные моменты Михаил Алексеевич мог оказывать сильный нажим, идти напролом как на отдельного человека, так и в более общем плане. ... В своей огромной организационной работе Лаврентьеву неизбежно приходилось бороться. Бороться с косностью и недобросовестностью, с мелочностью и непониманием, с неблагоприятными обстоятельствами и организованным сопротивлением. Михаил Алексеевич умел и любил бороться. Возможно, что процесс борьбы доставлял ему не меньшее удовольствие, чем одержанная победа. Как говорила его жена, Вера Евгеньевна, «когда Мише не с кем сражаться, он ходит, как больной». (Ак. Дмитрий Ширков, 2000 г.)

«...Когда сняли Хрущева, начали подбираться и к Лаврентьеву — как его любимцу. Искали повод, чтобы быстрее от него избавиться. Стали очень пристально присматриваться к его здоровью и просто „выдавили“ его... Михаил Алексеевич был очень огорчен преждевременной отставкой — он мог бы еще как минимум лет пять энергично и блестяще руководить начатым им делом». (Ак. Андрей Трофимук, 1999 г.)

«...В этот день мы говорили не только о науке. Лаврентьев принимал важное решение. „Мне уже семьдесят пятый год. Силы не те. Надо уходить, пустить вперед молодых“. Однако положением в Сибирском отделении он был обеспокоен. Высказывал опасение, что после него дело формализуется, приобретет бюрократический привкус, а это совершенно несовместимо с научным творчеством». (Проф. Михаил Гольдштик, 1989 г.)

«Языковых барьеров для Веры Евгеньевны не существовало. Родилась в 1902 году в Цюрихе. Потом — московское детство, потом двенадцать лет в Америке: так складывалась профессиональная судьба ее матери, биолога Данчаковой... Они приехали в Москву в 1926-м, мать — профессор биологии (Колумбийского университета), и дочь, получившая за границей тоже биологическое образование. В 1928-м Вера Евгеньевна стала женой Михаила Алексеевича... Мне выпало познакомиться и, смею сказать, подружиться с Верой Евгеньевной как раз в те годы, когда она вдовствовала с гордым смирением и стоически противостояла „возрастным изменениям“... Безделья не выносила. Прекрасно готовила. Изобретательно вязала. С утра читала свежие газеты, по вечерам — французские

романы и английские детективы. В определенные часы слушала разноязычные радиостанции „свободного мира“, воспринимая информацию взволнованно, критично, насмешливо... Скучная вдовья пенсия (персональную получала недолго — стала жертвой „борьбы с привилегиями“, ликвидировавшей „персоналки“). Богатства никакого Дед ей не оставил. Вдовье бессилие. То крыша в домике потечет. То мыши не дают заснуть, даже со снотворным. То крылечко так снегом заметет, что и не выйти. Одна. В избушке на краю оврага. И только на ночь запиралась на символический замок. Могла бы жить у сына, академика, с внуками и правнучкой. Не захотела. Точно обет дала хранить тепло их с Дедом очага, сколько сможет. И хранила — с поразительным мужеством и достоинством». (Журналист Замира Ибрагимов, 1995 г.)

стр. 2

Источник:

Глотов И. [Мгновения нашей истории](#) // Наука в Сибири. — 2008. — N 45. — С. 2